

Д. ТАЛЬНИКОВ

Анна Ахматова. Четки

Стилизованная обложка напоминает издания времен Пушкинских, в простых четких буквах есть что-то милое. К сожалению, то, что под обложкой, не отвечает старинной манере писать, ни четкости, ни ясности ее... Поэтическое содержание стихов А. Ахматовой как-то с трудом поддается учету: прочитавши стихотворение, приходится перечитывать его вновь, чтобы найти смысл, понять и усвоить образ.

Прекрасных рук счастливый пленник,
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы...

Что это значит? Как понять? Кто пленник прекрасных рук? Что значит: «пленник рук»? и почему на «левом берегу»?

Конечно, в стихах Ахматовой любовь на первом месте. К сожалению, ничего нового не вносится стихами молодых поэтов в ту прекрасную любовную лирику, что создана старыми поэтами, а если вносится новое, то очень скверное... Любовь Ахматовой очень странная, рабская, больная.

Я только вздрогнула. Этот
Может меня приручить...

Это не гордая любовь. Поэт «обидел» ее, но она все-таки приходит снова и молит его не «гнать ее». Есть неприятное слово, которое, очевидно, ей приходится часто слышать: «уйди»... Ее любил «знаменитый современник», но он ей «приказал»: «довольно, пойдя, убей свою любовь» — и вот она «безвольна»... Она не стесняется в выражениях, когда приходится страдать из-за невнимания мужчин:

Не любишь, не хочешь смотреть
О, как ты красив, проклятый!

И перед читателем этих стихов встает образ рабыни-женщины, стоящей на коленях перед мужчиной и умоляющей его не гнать ее... Может быть, в такой любви-истязании эта женщина и находит всю сладость?

Мы уже знаем, что Ахматова знакома с каким-то «знаменитым современником». Она серьезно считает его гением, вероятно, иначе откуда это самомнение; она серьезно советует своему возлюбленному беречь ее письма.

Чтобы нас рассудили потомки...

Станут потомки заниматься такими вещами! Она серьезно считает, что через его «славную биографию» ее имя будет запечатлено в мире:

Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети.

Что это? наивность, игра?..

О другом «знаменитом современнике», Ал. Блоке, она сообщает, что пришла к нему в гости «ровно в полдень», и что у него «глаза такие, что запомнить каждый должен, — мне же лучше, осторожной, в них и вовсе не глядеть». Если б можно было поверить в искренность наивного тона этого стихотворения, его, может быть, и можно было признать удачным, простым. Но ведь теперь все пишут эту стилизацию детской наивности, это — «готовая форма» поэтов и особенно поэтесс современности.

Но Ахматову интересуют не только «знаменитые современники». В разных местах ее книги фигурирует какой-то «мальчик».

Мальчик сказал мне: «как это больно»!
И мальчика очень жаль...

— сообщает она наивным тоном институтки, и еще то, что этот мальчик «жадно и жарко» «гладит» ее холодные руки. Если «очень жаль», то не довели бы вы, сударыни, бедных мальчиков до этого. Надо было раньше думать...

А через страницу Ахматова уже хоронит «веселого мальчика» и просит прощения у его могилы за то, что «принесла» ему смерть. При этом раскрываются любопытные вещи:

Я думала: ты нарочно —
Как взрослые, хочешь быть.

Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

«Томно-порочная» — вот он, эффект этих «демонических» женщин. Своими настоящими именами они не желают называть вещи, им подавай плащи. «Томно-порочная». Конечно, в этом есть правда. Мы видели, что героиня стихов любит, чтобы ее мучили, «приручили», но она любит мучить и других — «мальчиков». Как это называется у Крафт-Эбинга? Одно время такая любовь была в самом ходу, как «модерн» у приказчиков от литературы, теперь это немного запоздало... Хотя, впрочем, как знать? «Томно-порочная» всегда ведь будет существовать...

Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.

«Мальчик», очевидно, был студентом. Но зачем эти ненужные и такие наивные оправдания: я не думала, я не знала... Кто же не знает, что горло «хрупко» для револьверной пули? И вот, замучивши бедную жертву своей «томной порочности», героиня смиренно молит:

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок, замученный мной!.. *

Почему «совенок», а не «утенок», как у чеховской барыни? Впрочем, на 61 стр. «веселый мальчик» называется «лебеденком» (!). Если рассказать все это просто, как, по существу, это выйдет трагически и гадко, и каким приторно-слащавым и фальшивым тоном рассказывает об этом Ахматова!..

Очевидно, после погибшего нашелся новый «мальчик». На стр. 104 сообщается читателю:

Я сошла с ума, о, мальчик странный,
В среду, в три часа!..

Какая точность!

«На столе забыты хлыстик и перчатка», — очевидно, «мальчик» был франтом. «Брат мой или любовник»? — спрашивает Ахматова и спешит прибавить:

Я не помню и помнить не надо...

Вообще, мы узнаем интересные вещи об Ахматовой, напр., то, что она «с детства была крылатой», как какая-то иностран-

* По-видимому, сознательное искажение текста. У Ахматовой — «Совенок, замученный *мой*» (сост.).

ка ее «учила плавать» в море (зачем, если крылья есть?) или что она страдает бессонницей:

Хорошо твои слова баюкают!
Третий месяц я от них не сплю.

Кто-то, желая застрелить ее, предварительно

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять...

Но ей приходится на другой странице отравляться «прозрачной сулемой», и люди скоро заруют ее «тело и голос» (?). Современность дает себя знать в стихах Ахматовой, напр., запахом «бензина и сирени» или «узкой юбкой», которую она надела, чтобы «казаться еще стройней»...

Эгоцентрическая поэзия, вращающаяся вокруг «я» и «меня», не знающая иных отношений, кроме любовной игры и «несытых взоров», не знающая природы. Для Ахматовой небо — «ярче синего фаянса», потому что фаянс она хорошо знает, а небо мало.

Содержание этой поэзии лишено поэтичности. Это, в сущности, проза, — рассудочные настроения, не волнующие, не трогающие.

И если б знал ты, как сейчас мне любви
Твои сухие, розовые губы.

Да это из письмовника для солдат!

Мы уже знакомы с этим манерно-сентиментальным стилем. Поэтесса заявляет, что она стала «игрушечной». У Моравской был «кукольный» стиль, у Ахматовой — «игрушечный». Что лучше? И вся эта книга изысканно-манерная. «Вы» с прописной буквой — это называется интимной поэзией, — лучше, интимной манерностью. Этот «мальчик», произносимое, вероятно, сложенными бантиком губами с лукаво-кокетливым взором. Поза, одна поза... Зачем и кому нужно знать, что у Ахматовой

есть улыбка одна...
Так. Движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу...

Поза — и жеманное подражание старой французской лирике: «душно пахнет старое саше»; надпись над кроватью — непременно по-французски: «Seigneur, ayez pitié de nous». Образы у Ахматовой бессильные, вялые, да их и нет почти. Эта поэзия лишена почти всякой изобретательности. Эпитеты ее безразличные.

«Как соломинкой, пьешь мою душу. Знаю, вкус ее горек и хмелен... Когда кончишь, скажи». Душа, словно какое-нибудь «glace» или лимонад к кофе! «Глаза синей, чем лед (?)», «смертный час (!) ее напоит сулемою». «Ты давно перестала считать уколы, грудь мертва под острой иглой». Наездницы — конечно, «стройные», скрипки — «скорбные». Иногда оригинальничанье: у всех соловей голосистый, у Ахматовой: соловей «безголосый», а месяц — «рыжий»!! Имя Анна — «сладчайшее для губ людских», понятно почему: ведь это имя автора. Но взята эта «сладость» у Бунина, у которого: «Сладчайшее из слов земных — Рахиль» в одном из его чудесных сонетов. Стилизацией старинных «любовных сетей» «сладкого земного питья» не скрыть скудости своего поэтического багажа.

Стихосложение у Ахматовой, конечно, выдержано по указке ее «знаменитых современников» модернистов. Ахматова везде пользуется паузой, так несвойственной нашему стихосложению, основанному на чередовании ударяемых слогов, а не на длительности слогов, — паузой, нарушающей ритм, оставляющей в нем пустое место. Это дает впечатление ошибки против правил стихосложения, впечатление прозаической речи, лишает стих мелодичности.

На стоптанных каблуках.

В третьей стопе этого ямбического стиха пропущен второй ударяемый слог.

Ее рифма бледная. Встречается такая:

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня
.....уследила.

Так нельзя рифмовать. Рифмуемое слово всегда является наиболее важным для слуха, останавливающим внимание, значительным. Поэтому нельзя рифмовать с краткими союзами, предлогами. Ведь мы смеемся над Третьяковским за его

Екатерина Великая, о,
Поехала в Царское Село.

Совсем бедные рифмы такие, как: «твой — любви», «пою — (лебеду) полю». Или искусственная, явно подчеркиваемая: «повиликою — кликою», «мельница — бездельница», «лыжи — (месяц) рыжий».

У Ахматовой попадаетея даже совершенно безвкусная исключительная рифма, так называемый антапакласис:

Я этот день люблю и праздную... (*глагол.*)
 Меня и грешную и праздную (*прилагат.*)

Есть, конечно, и «внутренние» рифмы:

Покорно мне воображенье
 В изображенье серых глаз.

Вместо рифмы у Ахматовой часто связь и при помощи аллитерций-ассонансов:

Что мне делать с ними,
 Короткое, звонкое имя.

Как немзыкальны, топорны ее стихи, несмотря на аллитерации:

Низко облако пыльной мглы.

Некоторые могут служить скороговорками: «Завтра по перепутку» (здесь аллитерации на р, в, п, у) или «Роз из оранже-рей» (аллитерации на р и з).

Конечно, есть и новые словообразования, такие жеманные: «отравно», «обманно», «беззаконница», «многонеделен», и др. Словом, все, как следует, по штампу «модернизма». И это так скучно, так лишает книгу индивидуальности. Есть в книге и одна-две удачных пьесы (напр., «потертый коврик пред иконой», — простое и изобразительное, слегка испорченное этим безвкусным «брезгливо», но, в общем, от сборника остается впечатление бледного пятна. Читателю остается только присоединиться на сей раз к мнению «друга» г-жи Ахматовой («знаменитого» или нет?) о том,

Что быть поэтом женщине — нелепость.

